

КАК Я РАБОТАЛ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В музей я попал случайно, проработав там с сентября 1965 года по ноябрь 1972-го заведующим отделом дореволюционной истории.

Придя на дембель в конце августа, искал работу и встретил Славика Михеева, младшего брата Анжелия Михайловича Михеева, который потом работал мэром города (исключительно порядочный человек). Славик и сообщил о вакансии в музее, сам он прирожденный учитель, стремился в школу (перед этим по распределению год отработал в Свече).

Билетерша тетя Лиза Бадьина, когда я подошел к ней, увидела в открытую на улицу дверь заместителя директора, который прошел мимо и свернул за угол с Ленина на Дрелевского. Я его догнал. Им оказался Юрий Михайлович Попов. Показалось, что мое догоняние он воспринял как-то испуганно. Вообще был, как потом выяснилось, робковат. На другой день директор Петр Филиппович Злобин принял меня на работу заведовать отделом дореволюционной истории.

Сразу же отправили меня на элеватор, где с фотографом Геннадием Александровичем Щелкановым носил какие-то мешки, перелопачивал зерно. Тут же я имел счастье впервые увидеть незабвенного Александра Дмитриевича' Фокина, великого Фоку. Он пришел в костюмчике, в рубашке-ковбойке. Элеваторное начальство спросило, зачем тебя, старичок, прислали. А.Д. сказал, что может быть полезен, как биолог. Но его, поблагодарив, вежливо отравили домой.

В музее я проработал семь лет. Приобщение к вятской истории началось именно там. Ранее как-то был к ней индифферентен, хотя антипатию к названию моего родного города кликухой «великого гражданина» имел с детства. У меня висела вешалка для полотенца - под грибом-мухомором сидит гномик, а внизу надпись «Вятка» и какой-то год. Бабушка объяснила, что так раньше назывался наш город. Мне понравилось ласковое имя «Вятка».

Люди в музее трудились разные. Кое-что о нем позднее написал в воспоминаниях об Александре Дмитриевиче. Далее текст очерка о нем в одном из выпусков альманаха «Герценка» (2003, выпуск 5). В этом тексте могут быть какие-то вставки.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ФОКИН (ФЕНОМЕН "ВЯТСКОГО ЛЮБИЩЕВА")

В синем казенном халатике, низко склонив седую голову с аккуратнейшим

пробором над рукописями и гербариями, разложенными на огромном столе лишь в кажущемся беспорядке. Вооружившись ручкой или увеличительным стеклом, Александр Дмитриевич Фокин внешне удивительно соответствовал расхожему представлению о музейщике-аскете, наглухо отгородившемся от суетности жизни, чем-то напоминавшего чудаков-естествоиспытателей из романов Жюль Верна, вроде кузена Бенедикта. Такой образ рисовался, к сожалению, многим. Более того. Некоторые, с позволения сказать, образованные люди, работавшие тогда в музее, относились к Фокину с некоей долей снисходительности. Конечно, много знает, конечно, увлечен работой, но...

Эти сотрудники обычно не задерживались в музейных стенах. Уходили на «престижную» работу. Гораздо более оплачиваемую работу.

Между тем Фокин абсолютно не укладывался в упрощенные рамки досужих мнений. Автору этих строк выпало счастье знать Александра Дмитриевича с сентября 1964 года до августа 1980-го. Он был крепок для своего возраста, в зимние морозы ходил в демисезонном пальтишке, без шарфа и перчаток, с неизменным рюкзачком за плечами. Что такое простуда, Фокин не знал, с благодарностью вспоминая, как его мать, земская фельдшерица, с детства закаливала сына. Как-то он рассказал о поездке глубокой осенью на север области. Река еще не встала. Неожиданно лодка перевернулась, все экспедиционеры очутились в ледяной воде. Когда они выбрались на берег, Фокин велел всем скинуть одежду и бегать до полного разогрева.

Александр Дмитриевич родился 19 октября 1897 года в селе Великорецком Орловского уезда Вятской губернии (современная территория Юрьянского района). Раннее детство провел в селе Средне-Ивкино, а потом жил в селе Вожгалы. Фокин был потомственным интеллигентом с народными корнями - его мать служила фельдшерицей, отец бухгалтером в мастерской пожарных машин Вятского губернского земства. В учебное время Фокин жил в Вятке с отцом, летние каникулы проводил в Вожгалах у матери. Александр Дмитриевич вспоминал о детских и отроческих годах: «Рано начал интересоваться природой, чему немало способствовала мать... Рано начал читать популярно-научную литературу; любимым журналом в юности был «Природа и люди», а затем стал журнал «Природа», неизменным читателем которого являюсь со дня его основания (1912)... Гербаризировать и составлять коллекции начал с 1911 г., а с 1914 г. стал составлять вполне научный гербарий».

В 1915 году Фокин закончил Вятское реальное училище, одновременно сдав экстерном экзамен по латыни при гимназии, что давало возможность поступить в Московский университет. «Меня интересовали вопросы систематики, флористики, фаунистики и

биогеографии, - вспоминал он. — Мне хотелось знать как можно больше организмов, уметь их исследовать и определять».

Феномен Фокина - феномен интеллигенции, оказавшейся на трагическом разломе эпох, разделившем дореволюционную и советскую Россию. В студенческие годы политикой он не интересовался, будучи полностью захваченным жаждой знаний. День, когда участники установления Советской власти штурмовали Кремль, был проведен Фокиным в Румянцевской библиотеке (дом Пашкова), располагавшейся недалеко от Кремля. Вечером, возвращаясь домой в Замоскворечье, он обратил внимание на толстый слой битого стекла, которым были усыпаны тротуары рядом со зданием теперешнего ГУМа на Красной площади - следы артиллерийской с грельбы.

Еще студентом, приезжая на вакации (каникулы), Фокин организовал в Вожгалах при местном культурно-просветительном Обществе музейно-экскурсионную секцию, в 1918-1919 годах устраивал для школьников походы по типу будущих походов «юных туристов». (Пригодились знания, обретенные на курсах по внешкольной работе при университете А.Л. Шанявского).

Гражданская война прервала учебу Фокина в Московском университете. В «Автобиографии» Александр Дмитриевич написал об этом так: «Легко оставил университет, выйдя из него механически с 3-го курса. Стажироваться решил самостоятельно». Вряд ли все обстояло так просто... Голод, холод, неустроенность он бы перенес стойчески. Фокин вернулся домой в Вожгалы из-за больной матери. И уже после ее смерти в 1920 году совсем перебрался в Вятку. Став сотрудником краеведческого музея в Вятке, Александр Дмитриевич участвовал во флористических, геологических, а также в комплексных экспедициях по Вятской губернии, заведовал ботаническим кабинетом, отделом природы краеведческого музея, был его ученым секретарем. Задач перед ученым-биологом стояло много: организация и учет кормовой площади, борьба с болезнями растений...

Фокин всегда уделял внимание работе с подрастающим поколением. Любого пришедшего в музей ребенка он внимательно выслушивал, все принесенные детьми экспонаты принимал вне зависимости от их ценности, записывал на карточку данные о дарителе, о том, где найден им тот или иной предмет, благодарил, просил приносить еще. (Во второй или третий раз юный энтузиаст действительно приносил ценную находку). Фокинские ребята самоотверженно обследовали чердаки и подвалы, рылись на городской свалке, снимали с домов дореволюционные знаки страховых агентств, приносили книги, подшивки газет и журналов, кустарные изделия...

Один из будущих постоянных посетителей фондов третьеклассником 1 сентября

пришел записываться в кружок. Александр Дмитриевич внимательно поговорил с ним и сказал, что принимает детей только с пятого класса. Ровно через два года, тоже 1 сентября, парнишка пришел снова. (А первый разговор Фокина с ним, помнится, шел о египетских пирамидах и о культуре Майя).

Многие из «фокинцев» впоследствии стали известными учеными. Эмилия Адриановна Штина, крупнейший специалист по исследованию водорослей, в юные годы изучала биологию под руководством Фокина. Одним из первых учеников Фокина был М.К. Хохряков, ставший заведующим лабораторией Всесоюзного института защиты растений в Ленинграде. Хотя не все избирали стезю ученых-естествоиспытателей. Учеником Александра Дмитриевича был будущий художник Михаил Иванович Пиков, талантливый иллюстратор «Божественной комедии» Данте и других шедевров мировой классики. А мальчик, впервые пришедший в музей третьеклассником, стал ученым-этнографом. Это был Андрей Логинов. Даже в Государственной Думе появляется, не знаю, в каком качестве, по отсутствию интереса ко всему этому.

М.К.Хохряков, при очередном посещении Вятки спросил своего бывшего наставника: «Интересно, чем Вы руководствовались, когда распределяли между нами сферы нашей деятельности?». Александр Дмитриевич ответил: «Видите ли, Вы - копуша, причем в лучшем смысле этого слова. Порученное Вам дело Вы выполняли медленно, но тщательно. А это как раз те свойства, которые необходимы при изучении грибов, особенно микроскопической величины и при исследовании возбудителей болезни растений. Именно это и определило Вашу судьбу». Доктор технических наук, профессор В.И. Телов, тоже фокинский ученик, вспоминал: "А.Д. Фокин был великим методистом. Со временем у кружковцев вырабатывался «фокинский» стиль; отвращение к трескотне, верхоглядству, уважение к науке наряду со скептическим отношением к незыблемости уже известных результатов. Свой скромный оклад музейного работника Александр Дмитриевич расходовал на книги и порой на питание членов кружка из числа безотцовщины, к которым относился и я. Он мог жить в комнате с проваливающимся полом и практически не отапливаемой, как это было до войны в частном доме по улице Маклина. Он всегда ходил в чистой одежде, которая могла быть ветхой... Когда нам было трудно вообразить себе человека коммунистического будущего. Мы представляли его хотя бы на четверть таким же бескорыстным и добросовестным, как Александр Дмитриевич... Потому нам представилось совершенно невероятным его увольнение из музея за «неверие в построение коммунизма», как было написано в доносе одной из сотрудниц».

Увольнение Фокина из музея, о котором здесь пишет В.И. Телов, произошло не в предвоенное время, к которому относятся вышеприведенные строки, а позднее. Тогда, в 1930-х годах, Александр Дмитриевич просто увольнением не отделался бы.

Подвижническую работу Фокина, одним из главных направлений которой стал сбор гербария, прервала война. В «Автобиографии» Александр Дмитриевич написал: «13 мая 1942 года был мобилизован в ряды Армии и в июне 1942 года отправлен на Западный фронт, где участвовал в боях в качестве рядового телефониста. После болезни и выхода из госпиталя в феврале 1943 года был направлен на Калининский фронт, а оттуда в составе 1-й танковой армии - на Курскую дугу. Отсюда прошел боевым путем со Степным, 1-м Украинским и 2-м Белорусским фронтом через Украину, Галицию, Северную Буковину и Польшу до Берлина. Участвовал в штурме подходов к Варшаве и Берлину и продвинулся со своей частью западнее Берлина. Служил телефонистом, заправщиком, кладовщиком, бетонщиком и т.п. в мотострелковом батальоне. После войны участвовал в демонтаже 4-х предприятий в Берлине, проводя в нем, в общей сложности, 40 дней. 9 августа 1945 года выехал из Берлина на родину и 17 августа демобилизовался». Фокин вернулся с войны почти 48-летним. Воспоминания его о военных годах удивительны. То в разговоре с коллегой-ботаником он вспоминал, какие растения видел в Польше, то рассказывал о лимонных деревьях, росших прямо на берлинских улицах.

Один из фокинских рассказов таков. В самом конце войны ему поручили конвоировать трех пленных немцев. До этого Александр Дмитриевич разговаривал с ними, ведя своеобразную пропаганду. В лесу пленные неожиданно бросились наутек. Вернувшись в часть, Фокин доложил о случившемся старшине. Тот велел молчать о происшедшем и не дал делу огласку. На следующий день трое беглецов вышли к нашим, ведя за собой чуть ли не взвод немецких солдат. «Вот так я взял в плен целый взвод!» - смеялся Александр Дмитриевич. Из Германии он привез для музея ботанический атлас и пишущую машинку с латинским шрифтом, чтобы печатать аннотации. То ли вывозили из Германии некоторые участники «пира победителей» в больших погонах. Всю жизнь, проводя на Вятской земле, Фокин знал о ней, пожалуй, все. Но когда его спрашивали о том, что было там-то и там-то на территории области в военные годы, Александр Дмитриевич иногда не без гордости отвечал: «Извините, не могу ответить, на Ваш вопрос, поскольку в те годы находился в действующей армии».

Фокин работал заместителем директора по научной части, снова ходил в экспедиции, участвовал в подыскании мест расселения бобров, ондатр, белок-телеуток из Алтайского края, пополнял гербарий. Дублеты сборов, хранящихся в Ботаническом

институте Академии наук, использовались при описании «Флоры СССР». Энтузиаст музейного дела, биолог А.Н.Соловьев, к сожалению, вынужденный в настоящее время покинуть областной краеведческий музей, писал о вкладе Александра Дмитриевича в науку: «За более, чем полвека работы в музее, им собран обширный коллекционный материал по природе области, насчитывающий сотни тысяч экземпляров и нашедший всеобщее признание в кругах научной общественности. Один только гербарий музея, собранный и приведенный в порядок Александром Дмитриевичем, содержит более 25 тысяч листов, в том числе: 1462 - мхов, 5201 - грибов, более 4 500 экземпляров лишайников. Обладая столь полным и квалифицированно обработанным гербарным собранием, Кировская область заметно выделяется среди других регионов страны по обеспеченности репрезентативным гербарным материалом, документирующим ее флору...

Составленный А.Д. Фокиным гербарий местной флоры послужил основой для написания двухтомного «Определителя растений Кировской области» (1975). А дубликаты его сборов, хранящиеся в Ботаническом институте Российской Академии Наук, использовались при написании «Флоры СССР». Всего же в центральных хранилищах страны находится 7,5 тысяч гербарных образцов, собранных А.Д.Фокиным...

Круг его научных интересов не ограничивался изучением флоры и растительности. Немало усилий приложил он к организации фенологических наблюдений в области. Несколько работ Александра Дмитриевича посвящены метеорологии, палеонтологии, истории края...

Составив в 1960 г. перечень заслуживающих охраны природных достопримечательностей, он положил начало охране памятников природы области». Биолог Лев Иванович Красовский вспоминал об Александре Дмитриевиче: «Кто же такой Фокин? Прежде всего - это редкий знаток высших растений вятского края и автор первых фундаментальных работ по зонированию его растительности...

До работ А.Д.Фокина растительность вятского края оставалась неизвестной, во всяком случае, в ее своеобразии, Вечная заслуга А.Д. Фокина в том, что он закрыл это белое пятно на геоботанических картах нашей страны, да и всего мира и потому, может быть, позволительно назвать эти работы классическими. Если учесть, что Кировская область по площади равна, например, Чехословакии, то вряд ли можно не удивиться работоспособности молодого А.Д. Фокина, который в 1920-х годах на этой площади провел свои полевые исследования в достаточном объеме и едва ли не в одиночку».

Еще до знакомства с Фокиным Лев Иванович спросил о нем у вятского

орнитолога П.В. Плесского: «Петр Васильевич удивился моему вопросу и неопределенно ответил в том роде, что Фока он, как Фока, что громко хохочет, что работал в музее, но что его оттуда честью попросили и он, кажется, там не работает». Дело в том, что отношения с музейным начальством у Александра Дмитриевича не ладилась. В 1949 и 1958 годах его увольняли из музея. Первый раз «за непризнание мичуринского учения», второй «за допуск в фондохранилище посторонних лиц» (на самом деле специалистов). Истинная причина увольнений крылась в независимом фокинском характере. Среди работ, которые приходилось выполнять Александру Дмитриевичу, человеку весьма сублильного сложения, да и в возрасте, во время изгнаний из музея, значилась даже и такая - разнорабочий колхоза. Как тут не вспомнить строки О.Э. Мандельштама про «Эхшила-грузчика, Софокла-лесоруба». Неладья с властью случались у Фокина еще раньше. Он даже находился... в заключении. Причину этого Александр Дмитриевич объяснил так: «...имел административное взыскание в 1921 году, когда был подвергнут постановлением Коллегии Вятской Губчека 6-месячному заключению (с 15.02 по 16,08. 1921 года) в Вятском концентрационном лагере с правом выхода на работу по основной должности за неосмотрительность при устройстве краеведческой выставки в ноябре 1920 года в с. Вожгалы, когда по моему недосмотру в одной тетради с записями местного фольклора попали на выставку четыре частушки контрреволюционного содержания. Наказание это мною было отбыто, и с той поры подобных проступков не имелось». Газета «Известия» (1918. 31 декабря) писала о тогдашних концлагерях, объявленных «школой труда»: «В лагере подлежат заключению все обвиняемые или обвиненные в различных преступлениях, за исключением наиболее тяжких... На каждое лицо, препровождаемое в концлагерь, составляется направляющим учреждением препроводительный бланк, с указанием преступления или проступка, а для осужденных и срок заключения. Труд работающих в концлагере оплачивается соответственно ставками профессиональных союзов».

Нелегко складывались у Александра Дмитриевича отношения с начальством и с некоторыми сотрудниками музея. Налицо оказалось несостыковывание двух культурных уровней. Интеллектуальные пассажи одного из его «коллег» (это Даниил Игнатьевич Сохранный), забавы ради, документально фиксировали молодые музейщики. «Художник Левитан? Нет такого. Есть диктор Левитан»... "Драйзер? Это что? Марка телевизора?»... «Чарльз Дарвин? Хорошенький романчик»... Но самым «забойным» изречением было такое: «Индийский писатель Рембрандт Тагор». Да что этот самодовольный «коллега». Однажды фонды музея соизволил посетить

большой начальник из областного управления культуры. После его отбытия музейное начальство (П.Ф. Злобин) вызвало Александра Дмитриевича и автора этих строк, тогда ведавшего отделом дореволюционной истории, и выразило недовольство тем, что оба мы плохо знаем содержание фондов. Особенно эта претензия относилась к Фокину, поскольку он являлся заведующим фондами, да к тому же старейшим сотрудником музея. Оказывается, областной культуртрегер заявил, что в фондах хранится ценнейший экспонат, а музейщики по незнанию не выставляют его в экспозицию. Называется он (музейное начальство заглянуло в перекидной календарь, куда со слов областного записало название экспоната) – «Збручский идол». Фокин захохотал... Дело в том, что в фондах хранилось учебное подобие, находившееся некогда в Вятской гимназии. Оно было вырезано из дерева и имитировало действительно ценнейшее изображение божества времен славянского язычества, высеченное из песчаника. Один из молодых музейщиков (Эдик Плюснин), желая навести «дизайн» в комнате, где размещались сотрудники фондов, извлек с согласия Александра Дмитриевича вятского «збручского идола», обтер с него пыль и водрузил на видном месте, отчего он и попался на глаза эрудированному культурному начальству из «образованцев». Потом это начальство (вроде Видякин) перебралось на новое место и, как говорят, было радо, отвалив от культуры.

Подчас Фокин проявлял едкое остроумие. Только что уволившийся В.М. Садырин из-за конфликтов с начальством сотрудник музея пришел к Александру Дмитриевичу забрать результаты собственных сборов - несколько пробирок, в которых вперемежку с илом находились какие-то микроскопической малости существа, выловленные им из вятских водоемов. Неожиданно в фонды явилось музейное начальство (Злобин) и категорически запретило уволившемуся уносить пробирки, поскольку это де собственность музея, чего на самом деле не было. При этом начальство строго предупредило Фокина, что оно непременно проверит наличие этих пяти или шести пробирок. По удалению начальства Александр Дмитриевич естественно отдал эти пробирки молодому биологу, вынул из шкафа несколько чистых пробирок и попросил его выйти во внутренний двор и зачерпнуть в них грязь из лужи. Словом, все вышло по народной мудрости: «И волки сыты и овцы целы».

Работа была естественным состоянием Фокина. Он был предельно внимателен и к заезжему столичному профессору и к старушке, принёсшей в музей вышитые полотенца или берестяные бурочки. Но посетители попадались разные. Как-то в музей забрел бравый краснощекий пенсионер в поисках материалов о своей доблестной комсомольской юности. На вопрос Фокина, чем он занимается, посетитель с

достоинством ответил: «Персональник». "Кто, кто?" - как бы не поняв, спросил Фокин. Товарищ вроде не обиделся на непонятливого, не от мира сего музейщика и снисходительно пояснил, что он персональный пенсионер областного или какого-то еще большего значения. Александр Дмитриевич разразился бесподобным, легендарным "фокинским" смехом: «Ха-ха! Вот так неологизм! А я, знаете ли, старше Вас на десять лет, и представьте себе, работаю!». Жил этот уважаемый «персональник», как выяснилось по тетради записей посетителей, в одном из домов у "вечного огня", которые ранее считались местным аналогом московского «Дома на набережной». Жилище Фокина в это время находилось почти рядом... на чердаке ветхого дома над оврагом справа от лестницы, ведущей с набережной Грина вниз на улицу Дрелевского. Убогую каморку вятского праведника, куда можно было проникнуть лишь... с крыши дома, зимой обогревала крохотная печурка, сложенная из кирпичей, железная труба которой выходила в чердачное оконце. Все убранство каморки состояло из железной кровати, накрытой солдатской шинелью, стола, пары расшатанных стульев, да грубо сколоченного стеллажа с книгами. В столетие великого Фоки с кем-то из его учеников мы пытались определить дом, на чердаке которого он обитал, но его снесли. Только в канун своего семидесятилетия Александр Дмитриевич получил комнату в трехкомнатной «хрущевке» за цирком. Обитатели двух других комнат тепло отзывались о своем соседе, «ученом старичке».

Фокин был энциклопедически образованным человеком. Еще в гражданскую войну он принимал участие в эвакуации большей части книг губернской библиотеки, вывезенной в Москву. Позднее Александр Дмитриевич участвовал в определении книг областной библиотеки им. А.И. Герцена, написанных на латыни и других языках. Он отменно знал историю, литературу, правда, иногда давал, казалось, парадоксальные оценки историческим событиям и «признанным» литературным творениям. Он прекрасно чувствовал поэзию, мог, к примеру, сравнивать качество переводов стихотворений Бодлера, бесподобно декламировать поэтов серебряного века, особенно Сашу Черного и Игоря Северянина, ценя их едкую иронию. Ведь это была пора его молодости. Хотя зачастую выносил поэзии весьма скептические и безапелляционные вердикты. Все-таки чувствовался в нем, прежде всего, учёный-естествоиспытатель. О любви Фокина к поэзии вспоминал и М.К. Хохряков: «Как правило, он был в хорошем настроении и часто, настроившись на поэтический лад, расхаживал по лаборатории и громко декламировал стихи: «И солнце похоже на музыку, на лилии похожи все лебеди». К новинкам литературы в 1960-х - начале 1970-х годов его приобщали Наталья Степановна Ульянова и я. Александр Дмитриевич прочел «Мастера и Маргариту»

Булгакова, «Дом на набережной» Юрия Трифонова, повести Василия Белова и Виктора Астафьева.

Александр Дмитриевич обладал даром талантливейшего рассказчика. Его повествования о Вятке начала века и более поздних годах неповторимы, сильны запоминающимися деталями. Какие сладости продавались в кондитерской Якубовского, в каких корзинках подавали там пирожные и прочие лакомства, какие копеечные выпуски походов Ника Картера и Ната Пинкертона в ядовито-ярких обложках выставлялись в газетных киосках, привлекая гимназистов и реалистов. Фокин, посмеиваясь, рассказывал, что преодолел искушение «сыщицкого» чтения, сразу начав с серьезного чтения. Подспудно эти рассказы направлялись против пресловутых фильмов о Фантомасе, неоднократно просмотром которых чрезмерно увлекались в 1960-е годы некоторые из его воспитанников. Помнится ехидное двустишие, сочиненное Александром Дмитриевичем: «Скажите, что волнует вас? Меня волнует Фантомас!».

Фонды музея, где трудился Фокин, были настоящим университетом... Многого доводилось слышать здесь от Александра Дмитриевича! Ведь он видел на своем веку: Патриарха Тихона, Ф.И.Шаляпина, В.И.Ленина, А.В. Луначарского, полярника О.Ю. Шмидта, руководителя вятских социал-демократов В.А. Горбачева, отчаянного боевика-экспроприатора Александра Лбова, «уральского Робин Гуда».

Был знаком с замечательными вятчанами: археологом А.А. Спицыным, этнографом Д.К. Зелениным, историком П.Н. Лупповым, народником и общественным деятелем Н.А. Чарушиным....

А насколько ярко излагались фокинские истории! Чего только стоил рассказ о том, как однажды, возвращаясь из Ленинграда, Александр Дмитриевич стал свидетелем задержки поезда, отходящего в Москву. Он живописно рассказывал, как нервничали пассажиры и провожающие, как, наконец, на перроне появились вальжный Луначарский в шубе на бобрах и его жена-киноактриса – «этакая фря» - в роскошном манто. Причина задержки оказалась предельно проста. О ней сейчас известно. Г.Е. Зиновьев, тогда первый секретарь ленинградского обкома, у которого загостился нарком просвещения, просто-напросто распорядился приостановить отправку поезда. В полуподвальном помещении музейных фондов у Фокина собирались люди, украшавшие тогда собой наш город: Петр Васильевич Плесский, Аркадий Иосифович Шернин, Лев Иванович Красовский, Василий Георгиевич Пленков, Евгений Дмитриевич Петряев. Для пишущего эти строки их беседы становились подлинным университетом. Сидишь в уголочке и внимаешь. Хотя на «верхах» музея отношение к

этим собраниям было, прямо скажем, настороженным. «О чем они там рассуждают?», - бдительно вопрошал знаток творчества «индейского писателя Рембрандта Тагора». Жизненный путь Александра Дмитриевича завершился 20 марта 1981 года. Не обладая даже формально высшим образованием, он вызывал уважение в ученом мире. Из-за границы шли письма, адресованные «профессору Фокину». Ученый с мировым именем А.А. Ячевский, выдающийся специалист в области микологии (науки о грибах), поставил Фокина в ряд не только с крупнейшими местными исследователями, но даже с такими знаменитыми путешественниками как Н.М. Пржевальский и Г.Н. Потанин. «Вятским Любичевым» уважительно называл Александра Дмитриевича Е.Д. Петряев, заслуженно сопоставляя его с саратовским мудрецом А.А. Любичевым, который стал известен широкому кругу читателей благодаря документальной повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь». Благодарность Александру Дмитриевичу Фокину автор этих строк выразил пусть в не очень умелых, но от всего сердца идущих строках:

Вы помните, жил Фокин,
Музейный старичок,
Все книги, да дороги,
Да тощий рюкзачок...
Был век его не краток,
Да жизнь не трын-трава.
Ходил он без перчаток,
Не признавал шарфа.
Ютился он в хибаре,
Он книги знал да лес,
Он собирал гербарий
И никуда не лез.
А край родной покинул,
И не один таков,
Лишь в первой половине
Сороковых годов.
Ушел он из музея,
Прошел Смоленск и Брест.
Он изучил на Шпрее
Всю флору здешних мест.

А после жил на Вятке
В походах и трудах.
Он обитал в палатке,
Писал он о грибах.
Он не искал признанья
И был душою чист,
Аскет, поборник знанья
И энциклопедист.
Вся жизнь пути-дороги...
Что слава? Тщетный дым.
А мне приснился Фокин,
Представьте, молодым!
Он загорелый, крепкий,
С походным рюкзаком,
Он в заливчатской кепке
С длиннющим козырьком!
А что года и сроки:
Их не было и нет.
Идет по лесу Фокин,
Простой интеллигент.

Автобиография А.Д. Фокина опубликована в сборнике «Проблемы изучения, использования и охраны природы Кировской области. Материалы Первых естественно-научных краеведческих чтений памяти А.Д. Фокина». Отв. редактор А.Н. Соловьев. (Киров, 1992). Там же помещены воспоминания Л.И. Красовского, М.К. Хохрякова, М.А. Кузницына, А.В. Корепанова, В.И. Телова, А.Н. Соловьева, а также библиография трудов Александра Дмитриевича, составленная Г.Д. Скальной (62 названия, с 1919 по 1980 год), и литература о нем.

Кто работал тогда в музее.

Петр Филиппович Злобин, директор. Неплохой человек. Выпускник естественно-географического факультета. Успел повоевать на Дальнем Востоке. Прирабатывал уроками географии на Хлыновке в колонии. По этой причине нередко попадал в неловкое положение, когда им интересовалось начальство из управления культуры: оно звонит, а Пети нет на месте. Конфликтов с ним почти не было. Любил П.Ф. в командировках изображать из себя нечто большее, чем являлся. Выглядел

вальяжно. В Кирсе подошел к магазинчику, а он на обед закрывался, постучал, сказал продавщицам, что он «из области», интересуется их работой, что-то спрашивал важно, но вежливо. Из-за П.Ф. мы однажды опоздали на самолет, летевший в Вятку из Лойно. Ему вздумалось обедать в поселке, который далековато от аэродрома. В столовой попросил принести обед в отдельную комнату. Для начальства имеются такие комнаты при столовых. А самолет и улетел. Поездка эта была в Кай, где открывали музей Дзержинского (вернее, новую экспозицию). П.Ф. тогда многозначительно сказал сельскому начальству, что неплохо бы организовать рыбалку. Но никакой рыбалки не состоялось. Полагаю, что местные начальники чутко понимали: кто есть кто из области.

Жил П.Ф. в отдельном хорошем доме на нечетной стороне ул. Милицейской при выходе на Карла Маркса. Отец его, Филя Злобин, по рассказам жителей близлежащих домов, торговал близ дома пивом в ларьке.

Юрий Михайлович Попов, зам. директора, выпускник историко-филологического факультета. Студентом был на целине. Не особенно увлекался краеведением. Был исполнителен. Потом его взяли в партийный архив и более в музее Ю.М. не появлялся. В.А. Соболев с кафедры Кирюхиной как-то спросил меня о Попове. Я дал ему отменную характеристику (жалко что ли?). Думаю, это было связано с переходом Попова в партийный архив. Стало быть, по барабану был ему музей. Другие сотрудники, конечно, не все, уходя из музея по разным причинам, душой за музей болели. Жил Ю.М. на нечетной стороне ул. Коммунистической, доме во втором от ул. Ленина. Ю.М., как будто бы потомок какого-то торговца аптечными снадобьями, жившего некогда в кирпичном одноэтажном доме с мезонином на углу Воровского и Володарского, где ранее на фасаде красовались два льва из железа. Сейчас их там нет. У Попова была тетка, с которой он отношений не поддерживал. Жила она в страшной бедности в нижнем этаже деревянного дома на нечетной стороне ул. Коммуны, между ул. Дерендяева и Октябрьским проспектом. Эта старушка приносила А.Д. Фокину стеклянные бутылочки от лекарств с сохранившейся сигнатурой. Как будто они были в особом ящичке, Великий Фока всегда старался оценить приносимое такими посетителями по большей цене. Он понимал бедственное положение проходящих, как эта старушка. Потом в литературный музей были принесены бумага из сундука, хранившегося у Ю.М. Попова в его старой квартире. Он улучшил свои жилищные условия, отвалил в партархив, зачем же хранить старые бумаги? Помню бумаги и фотографии, разложенные на огромном столе в литературном музее. Попова не любили. Он был «переносить горазд». По всем таким качествам удостоился стиха:

Читал доклад попишка,
От робости дрожа.
Пищал как комаришка,
Едва-едва дыша.
Глаза как уголечки,
Волосики торчат,
И красненькие щечки
Чахоточно горят.

Даниил Игнатьевич Сохранный, полковник в отставке, служил во внутренних войсках. Ведал советским отделом. Осенью 1965 года были с ним в Слободском. Поселились в гостинице на главной улице. Там он увлекся карточной игрой с какими-то командировочными военными. Из-за картежного азарта поленился ехать в Белую Холуницу, как предполагалось. Я скатался туда один, чему был рад. В Слободском в столовой Сохранный взял в графинчике водки (нужна она мне!), а потом сказал, что с меня столько-то за выпивку. Хвалился уборщице музея, какая у него полковничья пенсия (это так, на коньячок и на курево), не подумав, какие жалкие копейки она получает. По моем возвращении из Холуницы вместе поехали в Вятку. Дорогой Сохранный рассказал, как будучи на НКВДшной службе в Ростове-на-Дону (или Харькове) ему довелось конвоировать в Москву Авеля Енукидзе. Жил Сохранный в доме по ул. Герцена за серым полукруглым домом (домом чекистов), что на углу Ленина и Герцена. В зале Отечественной войны была открытка с поздравлением Сохранному как участнику войны. Текст открытки стереотипный, типографский, а имя поздравляемого от руки написано. Самое любопытное, что где пишут имя поздравляемого, текст был подчищен. Значит, ранее написанное имя было стерто и на этом месте имя и фамилия Сохранного. Честное слово! Сам он на войне не был, стерег заключенных. Что это? Честолюбие? И мы пахали? Сотрудники Сохранного не любили.

Николай Павлович Зорин - художник. Очень славный человек. Был разведчиком. В самом конце войны потерял кисть левой руки от взрыва мины. Говорил, что все беды у него от даты рождения – 1917 год. Как-то молодые сотрудники кидались снежками во внутреннем дворе. Только что снег выпал. Один снежок угодил в форточку окна и испортил планшет, над которым, работая с тушью, трудился Н.П. За комнатой, где работал Н.П. находилось помещение с палеонтологическими

материалами, далее чулан со стеллажами, забитыми всякими занятыми вещами. Жил Н.П. как будто на углу Воровского и Горького.

Догонов - художник после Н.П. Зорина. Отставной военный. Любитель книг. Я приобрел у него отличное издание воспоминаний художницы Марии Башкирцевой, потом в буккниге с его печатками на титульном листе купил желтый десятитомник Алексея Толстого.

Геннадий Александрович Щелканов - фотограф. Очень хороший человек, отзывчивый. Прирабатывал тем, что печатал фотографии для жаждущих их иметь - для выставок, краеведам по их интересам, для чего у него имелась коллекция негативов. Потом вышла какая-то непонятная история, вследствие чего Г.А. уволился и ушел в НИИ охотоведения. Жил он, как будто, на углу улиц Володарского и Труда в двухэтажном деревянном доме.

Валентин Николаевич Макаров - фотограф. Фронтовик. Обслуживал самолеты на Ленинградском фронте. У него имелись оригиналы военных фотографий, среди которых снимок Берлина, когда в самом начале войны наши самолеты летали бомбить фашистское логово. Макаров был очень доброжелательным человеком, как и Щелканов, всегда готовый помочь снятием фотокопий. У него были хорошие отношения с Е.Д. Петряевым. Но, как и Щелканов, Макаров был не прочь выпить. Валентин Николаевич был шутник. В декабре 1970 года летали с ним на три дня в Ленинград собирать фотографии и фотокопии документов для готовящейся экспозиции новой пристройки к музею Кирова в Уржуме. Он сказал, чтобы я в музее-квартире Мироныча два дня подбирал все нужное, а он на третий день это переснимет. Сам же В.Н. отправился на встречу с боевыми товарищами. Я несколько беспокоился, но на третий день он явился в музей-квартиру и все переснял в лучшем виде. Когда улетали, в аэропорту на проверке при насадке его спросили о содержимом чехла (там был складной штатив). В.Н. сказал, что там портативный автомат, ибо он профессиональный угонщик самолетов. Как раз начинались случаи угонов или попыток угонов самолетов. Я стал объяснять, что перед проверяльщиками защитник блокадного Ленинграда. Ему заметили о неуместности такого черного юмора.

Нелли Ефимовна Высоцкая работала в советском отделе. Ребенком была в партизанском лагере в Белоруссии. Ей вручили в 1965 году за это медаль. Потом ушла учителем в школу в Вересниках. Затем с мужем (по работе был связан с добычей леса) уехала в Москву.

Из молодых сотрудников люд был разный.

Алевтина Николаевна Мухина ведала отделом природы до Садырина. Ушла

преподавать в школу рабочей молодежи. Муж ее работал на факультете физвоспитания в пединституте. Более музеем она не интересовалась.

Людмила Николаевна Грехнева, окончила Саратовский университет, работала в советском отделе. Под финал своего музейного бытия - зам директора. Ушла в сельхозинститут к Якову Наумовичу Кагнеру, стала кандидатшей экономических наук.

Виктория Константиновна Дорофеева, работала в советском отделе, выпускница истфака пединститута. Очень симпатичная интеллигентная особа. Говорила, что однажды зашла куда-то выпить чашку кофе и засовестилась, поскольку это происходило в рабочее время. Ее отец работал профессором в сельхозинституте, а потом как будто и уехал в Казань. Вика и отправилась к нему.

Под самый конец моего пребывания в музее начала там работать «мымра» Прокашева. Забыл, как зовут ее. Пройдоха, халда-баба, но нравилась Злобину, по его словам, «веселая, рассказывает анекдоты». Стояло где-то в подсобном помещении чучело овцы, по инициативе мымры обслуживавший персонал с него ощипал всю шерсть. Тупая и нахальная. Училась заочно на истфаке. Е.И. Кирюхина, когда почему-то зашел разговор о мымре, запнулась на том, как ее охарактеризовать, («Ну, эта...»)- Приходил к мымре какой-то гражданский летчик, латыш. Она трещала, что выходит за него замуж, что в Латвии есть родовое имя этого латыша, да много еще всяких фантазий несла. Потом торговала на улице. Финал мымры печален. Убили ее из-за каких-то квартирных дел, как потом мне рассказала Ирина Абрамовна Эпштейн-Кашицкая.

Ирина Абрамовна Эпштейн-Кашицкая, работала в музее, потом в "приказной избе".

Антонина Архиповна Бушмелева. Работала в советском отделе. Тоню жалко, она подвергалась нерасположению начальства, часто сама его провоцируя. Вызывала огонь на себя, собачилась с мымрой. Ездил в Слободской и старательно переписывала надписи с памятников кладбища. Позднее работала лаборанткой на филфаке в пединституте.

Владимир Михайлович Садырин. Уроженец Фаленского района, где его отец был председателем колхоза. Он говорил: «Мы, фаленская аристократия». Ведал отделом природы. Его звали «ученым». Толковый человек, увлеченный биологией, много знающий. Но весьма строптивного норова, отчего всегда вступал в конфликты. Уйдя из музея, работал в институте пушнины, потом в Гурьеве, на Байкале, сейчас в Сыктывкаре в НИИ. Как-то Злобин решил устроить прослушивание экскурсии Садырина по самому раннему периоду. На этом мероприятии присутствовали

сотрудники районных музеев. Александр Дмитриевич дал положительную аттестацию экскурсии. Прочие не могли возражать великому Фоке. Но Петя хотел бы попинать Садырина (они не очень ладили, в чем отчасти был повинен и Владимир Михайлович). Под финал разбора Злобин сказал, что недостаток экскурсии в том, что в ней не отражена роль человека. Садырин долго молчал, крутя указку. Столь длительная пауза вроде бы означала признание недостатка экскурсии. Потом он сказал, что действительно не говорил о роли человека. И снова пауза. Петя должен бы возликовать. Но после второй паузы Садырин, как говорится у Шукшина, оппонента «срезал»: «Сказать нечего, кроме того, что человека при парейзавах еще не было!». Далее, проходя мимо чучела лося, Садырин смеху ради повернул его рога лопастями вниз (они были укреплены не очень прочно, так что можно было их вращать). Шедший сзади директор Котельничского музея Созонтов привел их в надлежащее положение, но Садырин сказал, что лопасти рогов должны быть именно опушенными вниз, это де такой редкостный дефект у лося, чем он и ценен.

Непонятная была сотрудница фондов Петражицкая. Впервые я ее увидел в Яранском краеведческом музее у Ивана Ионовича Иконникова. Она отрекомендовалась сотрудницей какого-то музея из Марийской АССР. Как-то все переводила разговор на нумизматику, нет ли чего из монет для ее музея. А вскоре была принята заведующей фондами у нас. Потом нумизмат с Машстройзавода (как будто Вознесенский) сказал, что зря Злобин принял ее на работу, ведь ее муж - нумизмат. (Муж ее - морской офицер в отставке). Якобы он приходил в фонды и рылся в коллекциях монет. Когда Петражицкая уволилась, фонды свалили на Эдика (Эдуарда Дмитриевича) Плюснина. Видимо просочилась информация о нездоровом интересе четы Петражицких к музейным монетам. Библиотекаршу Александру Степановну Столбову и меня привлекли к проверке наличия монет. Насколько мы удачно с этим справились, не знаю. Монеты с XVIII века смотрели легко, а копеечки допетровского времени как, не будучи знатоком, определить. Просто брали их из пакета, сличали с описью и записывали наличие или отсутствие. (А ведь можно было знатоку поменять монеты из пакета просто - взять ценную монету и подложить вместо нее неценную). Столбова считала на счетах с необыкновенной быстротой, как из пулемета строчила. Потом долго мне эти монеты снились. Никакого интереса к нумизматике у меня никогда не было. Похоже, эту проверку мы и не завершили. Эдик Плюснин вскоре из музея ушел, хлопнув дверью. Петражицкие будто бы приглашали Злобина домой, угощали его, благо они жили на Красноармейской близ Карла Маркса, а П.Ф. двумя кварталами ниже на Милицейской. Позднее мадам Петражицкая торговала каким-то

поношенным барахлом на углу Карла Маркса и Пролетарской, вид у нее был очень потрепанный.

Эдуард Дмитриевич Плюснин. Работал в фондах. Опубликовал статью в журнале «Нумизматика и эпиграфика» о находках монет в Кирове. Позднее был связан с какими-то реставрационными работами в церкви.

Наталья Степановна Ульянова. Работала в фондах. Уехала в Москву, где трудилась в музее-квартире А.М. Васнецова. Сейчас где-то в другом месте. Исключительно хороший человек, многим интересовавшийся.

Анатолий Петрович Виноградов. Зам. директора по науке. Отставной военный. Музей ему был чужд. Говорили, что от ремонта в музее, что-то прилипало к его рукам. Ремонт проводился году в 1970. Тогда сняли все батареи. Сотрудники зимой мерзли в верхней одежде.

Библиотекари:

Александра Степановна Столбова. Гордилась матерью, членом Вятского ревтрибунала (ее фотография имелась в экспозиции по революции). Работая, пела про себя «Красная гвоздика наш цветок...». Книги знала хорошо, но была малограмотна.

Людмила Ильинична Корчемкина, ведала библиотекой, потом работала в Политехническом институте. Люду все очень любили. Жила она в Вересниках.

Галина Тимофеевна Новак. Работала недолго. Потом уехала в Москву, Ее не любили.

Афанасия Григорьевна Рудакова. Работала вместе с А.Д. Фокиным в фондах. Фонды знала хорошо. Но с великим Фокой у нее отношения не очень складывались.

Были очень хорошие смотрительницы в залах.

Тетя Катя, уроженка села Хлыновское, рассказывала о том, как там раньше жили, трогательно читала Аполлона Майкова: «Весна, выставляется первая рама...».

Тетя Ава стояла на контроле.

Тетя Лиза Бадина продавала билеты.

Валентина Ивановна Перевозчикова прибиралась в служебных помещениях, работала на полставки, приберется и уйдет.

Секретарем-машинисткой была Анна Николаевна Коркина.

Бухгалтером работала Анна Николаевна Елпашева.

К П.Ф. Злобину часто приходили философ Николай Иванович Рубцов и историк Василий Иванович Ключкин. Рубцов всегда такой англичанистый, с тростью (он ломал ногу, а по излечению так с нею и стал ходить). Ключкин, легендарный Васька Ключкин, ходил небрежно одетый. Оба были не дураки выпить, а Петя тоже. Как-то из окна

музея увидел Рубцова, в пьяном виде величественно возлежавшего на сугробе на углу Ленина и Дрелевского. Я его привел (или притащил) в кабинет Злобина, усадил в петино кресло. Потом пришлось идти на экскурсию. Запер кабинет, дабы кто-то туда не сунулся. Петя пришел, а его кабинет закрыт. Стал спрашивать о ключе. Потом все выяснил и был мне благодарен. Рубцов вскоре уехал, как будто, в Белоруссию, в Гомель.

С Клюкиным мы сошлись. Я принял участие в суде его с историком с кирюхинской кафедры В.А. Соболевым, который терпеть Василия Ивановича не мог, всячески поносил его самого и его книги в любых местах. Однажды году в 1969 году он разносил Клюкина во Дворце пионеров, где происходило сборище по организации Общества охраны памятников истории и культуры. Меня Петя туда попросил сходить. Соболев вышел на трибуну и понес на Ваську, разнося его книги: «Что ни страница, то небылица!». Выглядело это просто неприлично. Тем более, что в зал завели учителей из районов (начинались летние каникулы и они приехали, видимо, на курсы повышения квалификации). Люди посторонние, не знавшие предыстории конфликта. Соболев был недоволен интересом Клюкина к Н.Е. Федосееву, наметив писать о нем самому. Стиль Соболева и его культуру можно видеть из его убогих сочинений. В перерыве я сбежал со сборища (были дела в музее). В кабинете Пети увидел Клюкина и рассказал, как его Соболев поносил. Васька предложил мне выступить свидетелем на суде. Он подал в суд на Соболева за клевету. Подходила докторская защита у Клюкина, надо было быть ко всему готовым. На верхах, вплоть до обкома, их мирили, но безрезультатно. На суде я поведал о том, что было во Дворце пионеров. Соболев до суда, узнав о свидетелях, пришел ко мне и стал отговаривать от выступления, за что обещал всячески потом помогать. Я пообщался с Васькой после разговора с Соболевым и все же решил выступать, поняв правоту Клюкина. Но перед этим разыскал Соболева в пединституте, объявив о своем окончательном решении. «За сколько же этот пьяница вас купил», - отреагировал Соболев. Суд проходил в здании суда на улице Дрелевского. Пришло много свидетелей, в том числе А.В. Эммаусский (надо было защищать честь кафедры). Запомнил жену Соболева, которая вздыхала, расстраиваясь происходящим. Брат Соболева прогонял журналистов, как бы теперь сказали - пиарщиков. Я, как молодой, давал показания самым последним, так что видел в коридоре всех собравшихся. Соболеву дали за клевету что-то условно, вроде года. Перед пединститутом сразу сняли фотографии преподавателей-передовиков из-за портрета Соболева. Он был не с краю, так что весь ряд и убрали. Соболев вскоре помер.

Вот диалог Клюкина с Рубцовым у кассы. Там, где преподаватели пединститута стояли

за зарплатой. (Я уже тогда трудился там). Рубцов в аккуратном костюме, Клюкин в клетчатой рубашке, из карманов штанов торчат плоскокозубцы, ключи и прочее (ремонтировал свою «Волгу» во дворе института). Оба играли на публику. Один сказал другому, что кому-то из преподавателей дали звание профессора, как ранее Эммаусскому и Кирюхиной. После разговора, Клюкин ушел. А Рубцов говорит раздумчиво, но чтобы все слышали: «Что-то много у нас в институте профессоров развелось. А настоящих только два - я и Васька!». Имелось в виду, что те все «холодные профессора», а Васька с Рубцовым - доктора, потому и профессора. Потом Василий Иванович уехал в Ступино Калужской области, затем перебрался в Мытищи. Иногда появлялся на Вятке. Оригинальные натуры Рубцова и Клюкина не вписывались в казенный антураж пединститута. Писал Васька талантливо, неформально. Похоже, под финал жизни, переживал за падение интереса к истории комсомола, революционного движения, когда стали безудержно восхвалять купечество и церковь. А ведь изучать комсомол как Клюкин надо, без глупой восторженности. Он тогда в коммунычье время как мог это старался делать. При этом Ваське приходилось напарываться на «мнения» комсомольских начальников. Как бы он сейчас хорошо о комсомоле писал, все, как есть, про всяких Косаревых, Чаплиных, Мильчаковых. Постоянные посетители А.Д. Фокина приходили в нижний этаж музея, где располагались фонды.

Были «юннаты», посещавшие А.Д. в фондах, - народ разный. Один гусь, как потом выяснилось, в музейной библиотеке выдрал страницы из Исторической энциклопедии с рисунками гербов. Он, видите ли, геральдикой увлекался. Ничего путного из этого амбициозного подростка не вышло. Садырин сказал как-то ему: «Если ты, рыжий ушастик, еще хоть раз вякнешь, я начищу тебе харю». Тот умолк.

Очень славный был Андрей Логинов. Теперь он на больших верхах, показывают иногда его в Государственной Думе. Написал диссертацию по этнографии индейцев. Когда А.Д. разговаривал с Андреем о его интересах, «ушастик», ревниво прислушиваясь к их беседе, снисходительно приговаривал: «За многое берешься, мальчик!», за что и заслужил предупреждение Садырина.

«Залы» дореволюционного периода - клетушки, перегороденные фанерными стенками. За отделом природы начиналась «археология», потом «феодализм, потом XIX век, потом начало XX века и тут же разделчик, посвященный Кирову. Итого - четыре клетушки. При мне переделали «археологию», XIX век. Все это самодельно. Как понимаю, без знаний экспозиционных премудростей, но все делалось от души. При мне Садырин изготовил экспозицию природы. Советские залы были оформлены до меня.

За все семь лет, проведенных в музее, побывал лишь в Казани и Москве. В Казани в конце 1965 года на юбилей музея в Казани, которым руководил большой знаток музейного дела Дьяконов. Тогда я только начинал работать в музее. (Дьяконов в 1966 году приезжал на 100-летие нашего музея). И в 1969 году был недели три в Историческом музее в Москве. Вот и все. Другие сотрудники ездили гораздо чаще. Не знаю почему. Злобин был в Алма-Ате, Бушмелева в Мурманске, Грехнева в Москве.

Делали выставки. Показывали диковины фондов, вроде бабочек с Суматры и Явы, подаренных музеем энтомологом Н.И. Кардаковым. Ведь в постоянную экспозицию такие бабочки не пойдут, как и чучело утконоса. А где их в Вятке еще увидишь? Был такой инцидент - на экскурсии по городу, рассказывая о магазине Кардаковых (тогда назывался «Маяк») на углу Ленина и Дрелевского, упомянул об этом Кардакове как об ученом, дарившем экзотических бабочек. (Узнал про него от А.Д. Фокина). Это стало, не знаю уж каким образом, известно некоему начальству. Петя недовольно передал мне высокое мнение, что нечего пропагандировать каких-то купцов. (Сейчас только о них и треск). Устраивали выставку оружия. На нее дети валом валили. Хороша была выставка «300 фотографий старой Вятки». Именно оригинальных фотографий, пожелтевших, на паспарту, а не фотокопий. Это была идея Фоки -- показать оригиналы.

Вообще начальство от культуры поражало некультурностью и амбициозностью, давая мудрые указания. Как-то обещались приехать болгары. Решено было отразить тему российско-советско-болгарской дружбы. Взяли овальный портрет П.В. Алабина, какие-то ятаганы, две фотографин солдат и офицеров времен войны 1877-1878 годов, что-то из эпохи МОПРа (Христо Кабакчиев) и Великой Отечественной войны. Пришло большое начальство и недовольно высказалось об Алабине - зачем этот генерал? Но болгары так и не показались на нашем музейном горизонте.

Экскурсии по музею проводили все сотрудники. По крайней мере, я не отказывался и от экскурсий по природе, когда приходили младшие школьники, и не было работника из отдела природы. Что-то про парейазавров, мамонтов наплести можно. Избегал экскурсий по советскому периоду, но про Отечественную войну экскурсии всегда проводил.

Много было всяких мероприятий в зале революции и гражданской войны. Детей приводили помногу. Иногда от духоты с некоторыми случался обморок. Всегда под рукой у проводивших имелся нашатырный спирт. Я в этих мероприятиях не участвовал, но помню вещавших ветеранов революции. Люди неинтеллигентные, рассказывали шаблонно. Интересы к ним не испытывал, но сейчас понимаю, что надо

было и их слушать. Но дело в том, что обаяние А.Д. Фокина, Е.Д. Петряева притягивало, как сильнейший магнит.

На одно из «мероприятий» к 9 мая пришли солдаты. Шустрый бывший военный журналист Анатолий Васильевич Власихин принес современную пилотку. Она предназначалась к передаче лучшему взводу, и была преподнесена как пилотка участника штурма рейхстага. Принимавший сержант благоговейно ее поцеловал. А пилотка-то современная! Думается, потом солдатики тщательно разглядели ценную реликвию и поняли фальсификацию. Так все у нас и компрометируется дуростью.

К сожалению, случались кражи в экспозиции. Утащили несколько позвонков хвоста бизона и какую то деталь от мушкета. Однажды двое парней залезли ночью в окно, несмотря на сигнализацию, утащили японский меч, что еще из холодного оружия. Сигнализация не сработала. Парней утром уже нашли. Потом мы с Садыриным ездили в милицию, забирали отданное оружие, везли все это в троллейбусе, вызывая удивление пассажиров.

Как-то я дежурил зимой в воскресный день. Часов в одиннадцать позвонили из обкома и сказали, что музей желает посетить первый секретарь обкома Беспалов. Я известил тетю Лизу и тетю Аву не ради чего-то сенсационного, а чтобы семечки не лузгали. Они их еще и поджаривали на чем-то. Потом позвонил Сохранному, но тот хитро отговорился и предложил позвонить Попову. Пока я общался по телефону с Сохранным и Поповым, Беспалов уже явился, ведь на машине прикатил. Собственно его явления в музей я не видел. Он стал билет покупать, а тетя Лиза добродушно говорит - так идите. Но он, конечно, билет купил. Беспалова я застал в отделе природы. Он оказался большим знатоком - и про зверей знает и про рыб (они же все обкомовцы любители охоты и рыбной ловли). Потом переместились в отдел дореволюционной истории. Тут и археология, и старинное оружие, и бронниковские деревянные часы... Послышались частые шажки и появился, запыхавшись, Юра Попов. Он на мой звонок моментально среагировал и примчался быстро, поскольку жил недалеко. Ю.М. отрекомендовался Беспалову. А я и сплавил обкомовца Попову, соврав, что подходила запланированная экскурсия школьников. Там уж Юра общался с партийным начальством. Потом Злобин упрекнул меня в том, что я плохо организовал встречу Беспалова. «Что ему - ковром лестницу стелить?» - иронизировал Александр Дмитриевич. Видимо, для Злобина и Попова визит в музей Беспалова был значим. Не как для меня и великого Фоки. По нам-то радостно было принимать Петряева, Шернина, Плесского, Пленкова.

Экспозиции оформляли примитивно. Сами что-то приколачивали, клеили. Но

по настоящему выполняли экспозиции художники из Художественного фонда - Геннадий Пленков, сын краеведа Василия Георгиевича Пленкова, Виктор Алексеевич Кашин... В первом зале природы панно нарисовал Ильяс Юмагулов с женой - динозавры, мамонты, пещерные люди... Старое панно отдали Созонтову в котельничский музей. Созонтов почему-то был нелюбим Злобиным, для этого он использовал угодливого Ю.М.Попова, что вызвало стих:

Как ко городу Котельничу,
Где стоят четыре мельнички,
По дороге бочка катится,
От нее Созонтыч пятится.
Катит бедненький попеночек
На Созонтыча боченочек.
Ты, боченочек, катись, катись.
Ты, попеночек, трудись трудись.

Очень часто ездили по районным музеям, в силу возможности помогая тамошним работникам. Я побывал в Слободском, Уржуме, Яранске, Малмыже, Советске, в Кае, в Белой Холунице. Впечатлил директор Малмыжского музея (учитель физкультуры), который заколачивал гвозди... неолитическим топором на деревянной рукояти. Вообще хранение экспонатов было примитивнейшим. В Малмыжском музее прямо под солнечными лучами портился оригинал фотографии ссыльных с Горбачевым в центре. Его по моему настоянию убрали. Там же в каком-то шкафу среди бумаг, предназначенных на выброс, нашел оригинальный экземпляр номера «Искры» (не какое-то воспроизведение). По сбору экспонатов ездил в Шабалинский (оттуда привез два граммофона с раструбами), Уржумский, Унинский районы. По инициативе железной дороги в начале 1970-х годов ездили в каком-то вагоне (его прицепляли к местным поездкам, и перецепляли). Организатором поездок был директор клуба Октябрьской революции (его называли «коровский клуб») Юлий Давидович Шварцман. В вагоне были выставки, по которым проводились экскурсии для детей с железнодорожных станций. Летом 1970 года долго путешествовали в своем автобусе по Уржумскому району. Я возил каповую шкатулку мастера-слепца Ковязина, в ней бронниковские часы, демонстрируя эти диковины на сенокосах и прочих деревенских работах.

Посылали на сельхозработы, собирать картошку - это недалеко. Как будто бы ездили даже на сенокос. Сам я в Шабалинском районе в деревне Рыбаковщина летом 1966 года работал на току. Но, похоже, не нужен был там и меня быстро по добру

отпустили.

Денежная сторона была такова. Директор - 120 рублей, зам. - ПО, заведующие отделом - 90, сотрудники - 75. Поэтому все подрабатывали в силу возможности. Я что-то выдавал краеведческое в газетах, на радио (у Р.М. Преснецова), на телевидении (у Павла Маракулина). Общение с газетами началось так: вызвал меня Петя. У него сидел журналист из «Кировской правды» (забыл фамилию, но он и сейчас там).

Директор мне говорит, что если я что-то найду интересное в музее, сообщу этому журналисту, а он напишет. Я подумал, что могу и сам написать. Накатал о знаменах цеховых мастеров, отнес Владимиру Ивановичу Шишкину. Он взял, но мое косолапое название заменил: «На знамени – сапог». Мудрость Шишкина сработала, заметку об одном неграмотном семинаристе я назвал так – «Хлыновский Митрофанушка». Одно время подрабатывал в ШРМ-17. Но это все копейки...

После ухода Александра Дмитриевича из музея мне стало одиноко и неудобно. Великий Фока появлялся в музее, но редко, переживал необходимость ухода. Обитал он тогда в панельном доме напротив магазина «Тысяча мелочей» на первом этаже, занимая комнату в трехкомнатной квартире. Мы жили тогда недалеко на ул. Сурикова. Когда ходили в продовольственный магазин или в овощной магазинчик, то оттуда приносили Александру Дмитриевичу яблочки или апельсины. Летом вызывали его с улицы и передавали дары в окно.

В конце 1972 года Е.И. Кирюхина взяла меня на свою кафедру. Постепенно связи с музеем ослабевали. Тем более, что в 1980 по 1995 годы я провел на Камчатке. Там общался с сотрудниками музея в Петропавловске-Камчатском. Ходил в областную библиотеку на краеведческие чтения. Узнавал историю «странного полуострова на краю света». Интересовался вятчанами - братьями Тимофеем и Василием Шмалевыми, Никитой Шалауровым, миссионером Нестором.

Любовь к музеям мне привил и мой наставник - несравненный Григорий Наумович Вульфсон, профессор Казанского университета, который очень много сделал для музеев Казани. Кроме Григория Наумовича на меня огромное воздействие оказали - Евгений Дмитриевич Петряев, Виктор Георгиевич Шумихин, Гали Федоровна Чудова. Но первым по хронологии моей жизни был Александр Дмитриевич Фокин. Наш вятский краеведческий музей в моей душе остался на всю жизнь. Очень хочется, чтобы он процветал.

2005 год